

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 3(60). С. 23–28
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(3(60)):23–28

Научная статья
УДК 297 (470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-3-60-23-28

РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЕ И ГРАЖДАНСКО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ибрагим Джавпарович Ибрагимов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, SPIN-код: 5267-4303, ibragimid@mail.ru

Аннотация. В статье актуализирована роль религиозных организаций как субъектов гражданских инициатив — субъектов гражданского общества, выделяются существенные и функциональные особенности данных организаций. Проводится контент-анализ текста Московской богословской декларации по вопросам джихада, такфира и халифата как программного документа российской мусульманской уммы с акцентированием религиозно-духовных и гражданско-деятельностных аспектов данного документа.

Ключевые слова: религиозные общественные организации, гражданское общество, религиозная идентичность, новая политическая культура

Для цитирования: Ибрагимов И. Д. Религиозно-духовные и гражданско-деятельностные аспекты программных документов российских мусульман в общественно-политическом контексте // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 3 (60). С. 23–28. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-3-60-23-28>.

Research article

RELIGIOUS SPIRITUAL AND CIVIL AFFAIRS ASPECTS FROM THE INFORMATION OF RUSSIAN MUSLIMS IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT

Ibragim D. Ibragimov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, SPIN: 5267-4303, ibragimid@mail.ru

Abstract. This article provides information on how relevant the role of religious organizations as subjects of civil initiatives, presented as subjects of civil society, and highlights the main and functional features of these organizations. A content analysis of the text from the Moscow Theological Declaration on Jihad, Takfir and Caliphate as a document of the Russian Muslim Ummah is carried out, with an emphasis on the religious spiritual and civil affairs aspects of this document.

Keywords: religious public organizations, civil society, religious identity, new political culture

For citation: Ibragimov I. D. Religious spiritual and civil affairs aspects from the information of russian muslims in the socio-political context. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(3(60)):23–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-3-60-23-28>.

В общественно-политическом контексте современной России заметными и заинтересованными участниками являются институты гражданского общества, которые с эволю-

цией последнего также проходят разные этапы и стадии развития. Это в полной мере относится к религиозным организациям, которые мы считаем субъектами гражданского

общества, имеющими в качестве базы самоорганизации религиозные интересы, религиозное мировоззрение и религиозную этику. С одной стороны, общественные религиозные организации имеют явные отличия от других общественных объединений граждан именно в силу религиозно-духовной, вероучительной, вероисповедальной программтики. С другой стороны, общественные религиозные организации имеют сходные свойства с другими общественными объединениями в силу многих общих гражданско-деятельностных направлений и сфер.

Здесь мы отметим программное и функциональное сходство религиозных организаций с этническими (национально-культурными) организациями, хотя сопоставление этничности и религиозности показывает их сущностные различия. В то же время, как подчеркивают А. И. Бобков и О. А. Кармадонов, религиозный опыт может поддерживать и возрождать этничность: «этническая субъектность через религиозный опыт обнаруживает те императивы социального бытия, на основании которых этнос субъект и созидает социальное» [1, с. 101–117]. Религиозная идентичность, как и этническая идентичность, являются основанием для личностного и группового самоопределения, а также для позиционирования этнических и религиозных сообществ в системе гражданского общества, которое в Российской Федерации выражается, в том числе и в этнокультурной модели, рельефно просматривающейся в отдельных регионах страны, что подчеркивает М. А. Аствацатурова [2, с. 101–117].

Необходимость сочетания религиозной духовности и гражданской деятельности в общественном активизме российских мусульман вызвана многими современными обстоятельствами, например:

- усложнением социокультурных, общественно-политических условий, в которых верующие мусульмане должны определить правила поведения, отвечающие заповедям Корана и в то же время Конституции Российской Федерации, федеральным и региональным законам, а также нормативным актам органов местного самоуправления в территориях и муниципальных образованиях проживания;

- потребностью соединения в семейно-родственных, межпоколенных, межгендерных, социально-профессиональных отношениях духовных, моральных и этических религиозных принципов с принципами разностороннего функционирования в светском государстве и коммуникации с представителями других религий, а также с атеистами, агностиками, с людьми свободных взглядов;

- отягощением социального, общественно-политического, информационного пространства новыми вызовами и рисками, такими как столкновение цивилизаций и культур, религиозно-культурные экспансии, конфликты и гибридные войны, информационно-фейковые атаки с применением религиозного фактора;

- включением лидеров российских общественных исламских объединений, руководителей Духовного управления мусульман, референтных лиц мусульманских общин в решение проблем и противоречий общероссийского, международного масштаба, в профилактику использования религии и вероучений как оправдание терроризма и экстремизма и др.

Члены и руководители мусульманских общин Российской Федерации, как и иные граждане, относящие себя к другим религиям и номинациям, включены в формирование новой политической культуры российского общества. Характеристиками этой культуры, как пишут А. А. Борисенков и О. А. Нестерчук, являются плюрализм мнений и достижение консенсуса, ответственность общества, открытость власти, политическая заинтересованность граждан, патриотический подъем [3, с. 23–33; 4, с. 27–28].

Современная российская политическая культура отягощена многими вызовами и рисками, но в то же время она побуждает граждан к самоорганизации и активности во многих направлениях. В постсоветской России состоялась переоценка роли религии и религиозных организаций. Как отмечают В. О. Бобровников и А. А. Ярлыкапов, потребности новой политической культуры обусловили усиление роли народных традиций, обычаев, верований, в частности, исламских. При этом «ключевыми понятиями вместо отвергнутых

классовых и формационных принципов стали «цивилизационные категории»: «горские традиции», «исламское возрождение» и «шариат» [5, с. 61–93].

Религиозные организации имеют свое место и свою роль в российском общественно-политическом контексте. Они характеризуются базовыми принципами объединения граждан, которые имеют особенное происхождение — из догм и постулатов религии и веры. Эти принципы, соответственно, так или иначе отражены в программных документах зарегистрированных общественных религиозных организаций. Они имеют не только религиозно-духовный смысл, но и гражданско-деятельностную значимость, что проявляется в программных документах российских общественных исламских организаций, которые соответствуют потребностям членов мусульманской уммы Российской Федерации.

Показательным документом в этом смысле является Московская Богословская Декларация по вопросам джихада, такфира и халифата (далее — Московская Богословская Декларация). Документ имеет доктринальный характер и успешно сочетает конфессионально-духовные аспекты и аспекты социального служения и гражданского участия российских приверженцев ислама.

Московская Богословская Декларация выступает убедительным примером программирования поведения и деятельности мусульман и мусульманских умм, во-первых, в соответствии с традиционными духовными столпами ислама, во-вторых, в соответствии с новационными общественно-политическими задачами современного общества*. Московская Богословская Декларация имеет, прежде всего, высокий духовный смысл, так как основана на традиционных принципах ислама, которые имеют непреходящую ценность в любом общественно-политическом контексте.

Создание документа как ответ на актуальные вопросы российских мусульман, сформу-

лированный российским Научно-просветительским Центром «Аль-Васатыя — умеренность», имеет не только духовные, но и социальные и политические причины. Среди них: возрождение религиозной и общественной жизни мусульман и мусульманских народов, исторически проживавших в России; регистрация и успешная деятельность множества мусульманских структур, центров и организаций; расширение сети мусульманского образования и просвещения и др.

Особыми причинами, имеющими выраженное политико-рисковое и политико-конфликтное содержание, являются: попытки использовать ислам в политических целях, не имеющих ничего общего с самим исламом и оправдать террористические акты столпами ислама; стремление разделить российскую исламскую умму на этнические сегменты и организовать конкурирующие и конфликтующие этнические исламские сообщества; применение исламской атрибутики и символов ислама в противопоставлении с духовными принципами и духовными практиками христианства и иных мировых и традиционных религий России.

Документ поставил важнейшие вопросы, имеющие не только выраженное религиозно-духовное, морально-нравственное, но и общественно-политическое и геополитическое значение, а именно:

1. Кто и на каком основании может объявлять джихад суверенному государству? Вправе ли объявлять джихад государству отдельные группы мусульман, в том числе преследующих политические и национально-сепаратистские цели? Как шариат квалифицирует неправомерное объявление джихада? Может ли мусульманин причинять вред лицам, не имеющим отношения к целям джихада?

2. Кто и на каком основании имеет право объявлять такфир мусульманину, который свидетельствует о своей приверженности исламу? Каково шариатское отношение к немусульманам?

* 25–26 мая 2012 г. в Москве состоялась Международная конференция богословов из 23 стран на тему «Исламская доктрина против радикализма», на которой единогласно было принято решение не ограничиваться отдельными фетвами по частным вопросам, а принять богословскую Декларацию, в которую входит содержание нескольких фетв и которая имеет всеобщее и вневременное значение и может всегда быть шариатской основой для вынесения на ее основе частных фетв. Декларация названа Московской, и она становится в один ряд с такими важными международными документами, как Каирская Декларация, Мекканская Декларация, Амманская Декларация.

3. Кто и на каком основании вправе объявить о строительстве «нового халифата» на территориях суверенных государств — как мусульманских, так и немусульманских? [6]

Как видно, сформулированные вопросы сосредоточены именно вокруг общественно-политических категорий — государство, суверенитет, политические цели, сепаратизм, — которые находятся в центре современного внутриполитического и геополитического дискурса и др. Также эти вопросы отражают проблематичность этноконфессиональной идентификации в формах гражданской самоорганизации, что подчеркивает З. А. Жаде применительно к определенным регионам Российской Федерации [7].

Ответы на эти политико-значимые вопросы авторы Московской Богословской Декларации строят на духовных принципах ислама, которые имеют не только универсальное морально-нравственное содержание, но и целевую общественно-политическую значимость. Они предусматривают оптимизацию и гуманизацию общественно-политических отношений между гражданами, между гражданами и властью, а также между народами, между нациями, которые отличаются историко-культурными, мировоззренческими, обрядовыми, вероисповедальными характеристиками. Преступным намерениям убийства противопоставлен такой духовный принцип ислама, как запрет на кровопролитие и возвеличивание ценности человеческой жизни.

В этой связи документ раскрывает понятие «джихада» как одного из ключевых в исламе: «Джихад в значении войны никогда не был самоцелью. Мусульмане никогда не начинали войну только ради самой войны». Московская Богословская Декларация акцентирует духовную составляющую джихада и трактует его как «важное средство следования людей прямым путем к истине и к служению Богу» [6]. Достоверное толкование джихада как «мирного джихада» и «джихада души» имеет важное общественно-политическое значение в связи с тем, что именно это понятие часто используется

экстремистами и террористическими структурами для оправдания своих действий.

Не менее значимо для оптимизации общественно-политических отношений, а также для отношений власти и верующих мусульман является прояснение значения такой категории, как «такфир» — «объявление о неверии кого-либо». Разработчики Московской Богословской Декларации поясняют, что такое объявление не может быть необдуманным, поспешным, основанным на ненависти. Неправомерное и необоснованное применение такфира ведет к существенным внутрисоциальным и межсоциальным противоречиям, конфликтам, потерям и даже возможным жертвам.

Здесь же вызывает большой интерес толкование дихотомии веры/неверия при прояснении категории верности — то есть преданности вере и неверия: «верность (преданность) бывает трех видов: разрешенной (необходимой, должной, полученной в зависимости от цели и потребности); означающей неверие, если является убеждением; запретной, но не означающей неверие, если речь идет о безнравственности, которая касается и мусульманина и немусульманина» [6].

Общие трактовки указанных категорий увязываются с морально-нравственными нормами, которые должны быть присущи всем мусульманам, стремящимся и в мыслях, и в поступках придерживаться халяль (того, что можно и должно) и уберечь себя и окружающих от харам (того, что нельзя и постыдно).

Самостоятельное значение имеет предлагаемое понимание сущности и значения Халифата, которое имеет явные политические и даже геополитические проекции, в том числе и в современной международной архитектуре. Толкование Халифата призывает в стремлении к этноконфессиональным суверенитету (государственно-территориальному или культурно-экстерриториальному) учитывать существующие способности и возможности, а также стремиться к духовно-вероучительному единству в общественных организациях — субъектах гражданского общества*.

* Авторитетными гражданско-общественными структурами общественного исламского согласия являются, например: Организация Исламского Сотрудничества (до 2011 года — Организация Исламская Конференция), Координационный центр мусульман Северного Кавказа; Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования.

Результирующая часть Московской Богословской Декларации может быть оценена как комплекс прямых рекомендаций, исполнение которых будет способствовать: а) упрочению национальной безопасности и стабильности государства, б) противодействию экстремизму и противоправной террористической деятельности; в) недопущению убийств, насилия, посягательство на жизнь и имущество; д) отрицанию военных действий как оптимального решения проблем.

Большой религиозно-духовный и гражданско-деятельностный смысл заложен в тех тезисах, которые проясняют принципы отношения мусульман и не мусульман, что весьма актуально с учетом объективных противопоставлений и субъективных противоречий этноконфессиональных идентичностей. Непонимание и неприятие норм, свойств и установок этнической и конфессиональной природы часто приводят к этническим, этнополитическим и геополитическим конфликтам. Практически во всех распадах государств, в современных конфликтах, которые вышли за пределы регионов, макро-регионов, стран и конгломератов стран (арабо-израильский, грузино-юго-осетинский, грузино-абхазский, Нагорно-Карабахский, осетино-ингушский, армяно-азербайджанский, военно-политический конфликт России и Украины и др.) есть и этническая, и конфессиональная составляющие.

Этнический и конфессиональный компоненты ярко выражены в содержании национальных вопросов, которые заметны в мире, отдельных странах и регионах. Многие из них канализированы, но не решены ни в европейском, ни в российском пространстве: армянский, афроамериканский, баскский, черкесский, ногайский, каталонский, косовский, цыганский, палестинский, русский, ирландский и др. [8]

В связи с этим Московская Богословская Декларация прописывает как позитивно-нравственную и духовную практику общение и дружбу с не мусульманами. Документ прямо указывает, что «недопустимо проявление вражды к немусульманину, если последний мирно относится к мусульманам», так как «Ислам запрещает притеснять иудеев и христиан и предписывает справедливо относиться

к ним, быть добрым и милостивым по отношению к ним» [6]. Декларируется терпимость, уважение чужих убеждений, доброе отношение к людям вне зависимости от их религии.

Значимым резюме, имеющем выраженную общественно-политическую значимость, является трактовка таких сложных политико-нагруженных категорий и связок категорий, как «законность», «мирное сосуществование», «суверенитет в мире различных наций и цивилизаций».

Сильной стороной документа является просвещенческое внедрение принципов религиозной духовности, морали и нравственности во внутригосударственные общественно-политические отношения, а также и в отношения между государствами, народами, нациями. «Истинный суверенитет в мире различных наций и цивилизаций — это суверенитет нравственности (морали), принципов и ценностей, а не господство силы, мощи и насилия» [6].

В качестве обобщения отметим следующее:

а) функционирование российских общественных религиозных организаций осуществляется в общественно-политическом контексте, имеющем долгую интеграционную хронологию и формирующем общероссийскую гражданскую идентичность как надэтнический и надконфессиональный комплекс;

б) российские общественные религиозные организации мусульман являются наряду с иными общественными объединениями субъектами гражданского общества, образованными на основе конфессиональной идентичности как одной из важных составляющих в общем идентификационном комплексе современного человека;

в) члены мусульманской уммы России сочетают в своей гражданской самоорганизации религиозно-духовные и гражданско-деятельностные аспекты, которые соответствуют потребностям общественно-политического контекста, а также современным политическим и геополитическим вызовам;

г) программные документы российских общественных религиозных организаций характеризуются сочетанием религиозно-духовных и гражданско-деятельностных позиций, что отвечает запросам функционирования верующих в демократическом, правовом, светском государстве.

Список источников

1. Бобков А. И., Кармадонов О. А. Религиозный опыт как фундамирующее начало этнической субъектности // Социодинамика. 2017. № 3. С. 101–117.
2. Аствацатурова М. А. «Северокавказское имагинарное» в социальной сущностно-функциональной этике политического управления // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. Вып. 11(63). С. 3060–3075.
3. Борисенков А. А. Политическая культура: сущность, виды и закон // Politbook. 2014. № 2. С. 33–23.
4. Нестерчук О. А. «Новая политическая культура» как инструмент стабилизации/деформации общества // Вопросы политологии. 2017. Вып. 4 (28). С. 27–28.
5. Бобровников В. О., Ярлыкапов А. А. Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы // PAX ISLAMICA. 2013. Т. 2, № 11. С. 61–93.
6. Московская Богословская Декларация по вопросам джихада, такфира и халифата. Вопросы российских мусульман, сформулированные российским Научно-просветительским Центром «Аль-Васатыйя — умеренность» // Сайт мусульман Иркутской области. URL: <https://islam38.ru/articles/materials/moscow-declaration.html>
7. Жаде З. А. Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на Юге России: экспертное мнение // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 18–23.
8. Тэвдой-Бурмули А. Этнополитическая динамика Европейского Союза. Москва : Аспект Пресс, 2018. 224 с.

References

1. Bobkov A. I., Karmadonov O. A. Religious experience as a foundation of ethnic subjectivity. *Sociodynamika = Sociodynamics*. 2017;(3):101–117. (In Russ.).
2. Astvatsaturova M. A. “North Caucasian imaginary” in the social essential-functional ethics of political management. *Voprosy` politologii = Issues of Political Science*. 2020;10(11(63));3060–3075. (In Russ.).
3. Borisenkov A. A. Political culture: essence, types and law. *Politbook = Politbook*. 2014;(2);33–23. (In Russ.).
4. Nesterchuk O. A. “New political culture” as a tool for stabilizing/deforming society. *Voprosy` politologii = Issues of Political Science*. 2017;4(28);27–28.
5. Bobrovnikov V. O., Yarlykapov A. A. Sharia restitution in the Russian Caucasus: problems and prospects. *PAX ISLAMICA = PAX ISLAMICA*. 2013;2(11);61–93. (In Russ.).
6. Moscow Theological Declaration on Jihad, Takfir and Caliphate. Questions of Russian Muslims formulated by the Russian Scientific and Educational Center "Al-Vasatiya — moderation". Website of the Muslims of the Irkutsk Region. (In Russ.). Available from: <https://islam38.ru/articles/materials/moscow-declaration.html>
7. Zhade Z. A. The state of ethno-social processes and the level of inter-ethnic tension in the South of Russia: expert opinion. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2016;(5);18–23. (In Russ.).
8. Tevdoy-Burmuli A. Ethnopolitical dynamics of the European Union. Moscow: Aspect Press, 2018. 224 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Д. Ибрагимов — кандидат педагогических наук, доцент, директор института переводоведения, русистики и многоязычия; заведующий кафедрой восточных языков и культур.

Information about the author

I. D. Ibragimov — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor, Director of the Institute of Translation Studies, Russian Studies and Multilingualism; Head of the Department of Oriental Languages and Cultures.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 25.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 25.09.2023.